

В. Острогорский

Гавриил Романович Державин

(Род. в 1743 г., ум. в 1816 г.)

Предок Державина был татарский мурза Багрим, перешедший из Золотой Орды в русскую службу еще при великом князе московском Василии Темном, почему в своих сочинениях и называет себя Державин в шутку мурзой. Родился поэт в Казани, в июле 1743 года, в бедной мелкопоместной дворянской семье. Отец его, армейский офицер, был переведен по болезни в оренбургские полки, и там-то, на глухом востоке, в степях, прошло почти все детство и отрочество писателя. Рано увидел Державин горькую нужду, когда его мать, по смерти мужа, переселилась в Казань и, едва перебиваясь самыми ничтожными средствами, должна была заботиться о прокормлении и воспитании детей и вести тяжбу с соседями, хотевшими оттягать у бедной вдовы последнее маленькое именье. Эти-то примеры взяточничества и притеснений слабых и бедных сильными глубоко запали в душу ребенка, и вот почему впоследствии, как чиновник, он так упорно преследовал взяточничество и всякую неправду, а в своих сочинениях требовал, чтобы сильные защищали вдов и сирот и свято соблюдали законы. Особенно ясно изобразил он горькую участь бедняков и нечувствительность к их нуждам в оде «Вельможа».

Воспитание и образование Державина было самое жалкое. Еще в Оренбурге у церковников научился он грамоте, а затем поступил в школу пьяного ссыльного немца Розе, круглого невежды. Розе не знал даже грамматических правил и заставлял детей бессмысленно твердить наизусть немецкие слова и разговоры и списывать их в тетрадь. Переехав в Казань, мать отдала сына, для изучения арифметики и геометрии, сперва ученику гарнизонной школы, а потом — артиллерии штык-юнкеру. Но и они были весьма малосведущи и едва кое-как обучили его арифметике да черчению геометрических фигур, без всяких доказательств: «не имея понятия, что и для чего надлежит!» В 1758 году открылась в Казани гимназия, и матери с великими хлопотами, удалось поместить туда мальчика; но и здесь образование оказалось очень плохим, так как хороших учителей не было вовсе. «Более всего старались, — рассказывает сам Державин, — писать, читать, и говорить сколько-нибудь по грамматике и быть обходительным», для чего заставляли гимназистов выучивать наизусть и произносить с кафедры речи, сочиненные учителями, танцевать да фехтовать на публичных экзаменах. Французскому языку так Державин и не выучился, а более удовлетворительные успехи оказал в немецком языке и рисовании; особенную же склонность имел к музыке, живописи, поэзии.

«Я был воспитан в то время и в тех пределах империи, когда и куда не проникало еще в полной мере просвещение наук не только на умы народа, но и на дворянское состояние. Нас обучали тогда вере без катехизиса, языкам без грамматики, числам и измерениям без доказательств, музыке без нот, а книг, кроме духовных, почти никаких не давали».

А между тем хорошие способности юноши, особенно его рисунки, обратили на себя внимание начальства, и Державина хотели поместить, согласно его собственному желанию, в инженерный корпус. Но тут, в 1762 году, пришло из Петербурга в гимназию приказание, чтобы он немедленно явился на службу солдатом в Преображенский полк, куда записан был еще ребенком. Таким образом ученье его кончилось, и, против своего желания, девятнадцатилетний юноша очутился солдатом и должен был жить в казарме, где не было ни времени, ни места учиться, и только по ночам занимался чтением книг, большею частью плохих, какие туда попадали, да писал потихоньку стихи, в которых подражал высокопарным стихам Ломоносова. Это время было в жизни Державина самое печальное и тяжелое. Целых десять лет прожил Державин в казарме, принимая участие во всех солдатских работах и упражнениях. Окружали его буйные и пьяные товарищи,

картежники и развратники, и молодой человек, очень горячий по природе и увлекающийся, предался самому необузданному разгулу и разврату. Удивляться нужно, как вынесло такую жизнь его, поистине железное, здоровье, как сохранил он еще в себе горячее сердце, стремление к добру и талант.

Уже в зрелых годах он не мог вспомнить об этом времени без ужаса и много раз впоследствии горько сожалел о том, что в ранней молодости не было у него ни единого доброго человека, который мог бы его поддержать и указать пути к самообразованию. В 1772 году, 29 лет, произвели Державина, наконец, в офицеры, и в 1773 он уже участвует в усмирении Пугачева и обращает на себя внимание начальства своими способностями, а в 1777, в чине полковника, награжденный поместьем в 300 душ в Малороссии, выходит в статскую службу в Сенат к князю Вяземскому. Таким образом, и в эти пять лет некогда было думать о своем образовании, и к тридцати пяти годам своей жизни он не написал еще почти ничего замечательного, кроме прекрасной оды «На смерть князя Мещерского», мало тогда кому известной, и оказался не поэтом, как бы следовало по его таланту, а чиновником. С этого-то времени он поселяется в Петербурге, женится и, благодаря хорошему содержанию по службе и необыкновенно удачной игре в карты, начинает жить на широкую ногу, вращаясь среди знатных и богатых людей и пользуясь в своих литературных занятиях советами образованных друзей и известных писателей, например Капниста (автора комедии «Ябеда») и баснописца Хемницера.

Известность Державина, собственно как поэта, начинается только с 1782 года, с оды «Фелица», где он под видом татарской царевны, выставляет императрицу Екатерину II как кроткую, образованную государыню, заботящуюся о благе своих подданных. Эта ода случайно попадает в руки государыни, которая пожелала сама видеть поэта, обласкала его, очаровав своим обращением, и богато одарила дорогим подарком, и Державин, став предметом общего внимания, с этого времени уже начинает писать постоянно и становится знаменитейшим поэтом своего времени. Но, к сожалению, он придавал большее значение своей чиновничьей службе, чем занятию поэзией. Всю свою жизнь, до глубокой старости, он оставался чиновником, правда, бескорыстным и высокочестным, но по горячности характера и жалкому образованию крайне плохим. Нередко им, незаметно для него самого, управляли дурные люди, да и сам он лучшими намерениями часто только путал дела и даже несколько раз попадал под суд, спасаемый только благодаря любившей его императрице. Был он губернатором и олонецким и тамбовским, и статс-секретарем государыни, которой надоедал просьбами о родственниках и всякими пустяками, и сенатором, и, наконец, в 1803 году, в царствование Александра I, около года даже министром юстиции. В этом году он вышел в отставку и проживал до самой смерти в своем богатом имении в Новгородской губернии, Званке, где тихо скончался в день своего рождения, 3 июля 1816 года, 74 лет, среди любимого им семейства.